

На правах рукописи

БЕЛОВ
Алексей Михайлович

ЛАТИНСКОЕ УДАРЕНИЕ
(проблемы реконструкции)

Специальность 10.02.14 – Классическая филология,
византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

МОСКВА – 2005

Работа выполнена на кафедре классической филологии филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель – кандидат филологических наук,
доцент *М. Н. Славятинская*

Официальные оппоненты – доктор филологических наук,
профессор *Ю. В. Откупщиков*

– кандидат филологических наук,
ст. преп. *Д. О. Торшилов*

Ведущая организация – *Институт языкознания РАН*

Защита состоится 14 декабря 2005 года в 16 часов на заседании диссертационного совета Д-501.001.82 в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова по адресу: 119992, Москва, Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. А. М. Горького Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Автореферат разослан «__» ноября 2005 г.

Учёный секретарь
Диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

О. М. Савельева

Общие положения

Исследование латинского ударения с точки зрения реконструкции вполне может представляться непосвящённому чрезвычайно узкой задачей, служащей исключительно для удовлетворения научного любопытства лишь некоторых отдельно взятых филологов. Тем не менее такая позиция в корне неверна. Во-первых, изучая любой уровень языка, мы гораздо лучше понимаем и механизмы работы всего языка в целом: а такое понимание позволяет нам как нельзя лучше проникнуть в сознание и культуру, этот язык породившие, – цель, значимость которой, особенно для латинского языка, вряд ли кому захочется оспорить. Во-вторых и в главных, **актуальность** такого исследования во многом определяется тем особым местом, которое в языковой системе занимает ударение и просодия вообще: выступающая в роли своеобразного фундамента, она находится в теснейшем взаимодействии с другими уровнями и слоями языка – связывая фонологию и морфологию, морфологию и синтаксис, язык и речь, прозу и стих; поэтому решение какой-либо важной просодической проблемы позволяет найти опору для изучения очень многих смежных языковых явлений – причём не только в синхронии, но и в диахронии. Правильное понимание природы и свойств латинского ударения позволило бы фонологам и морфологам определиться в решении вопросов, связанных с латинской редукцией, синкопой, ямбическим сокращением, рядом явлений в словообразовании и т.д.; стиховедам – сделать правильные выводы о происхождении, истории и особенностях латинской (и вообще, античной) системы стихосложения; компаративистам – более точно определить место латинского языка в общеиндоевропейской системе, по-новому взглянуть на проблему распада индоевропейской общности, уточнить реконструируемые данные индоевропейской просодии. Оно было бы совершенно необходимо и романистам, поскольку позволяет решить и многие вопросы, связанные с происхождением и развитием романской просодии и фонологии; наконец, типологи нашли бы чрезвычайно полезным сравнение восстановленных данных латинской просодии с существующими в живых языках, историки науки и культурологи могли бы не без основания заинтересоваться принципами и методами античных акцентологических описаний, а применение полученных результатов в дидактической практике, возможно, послужило бы развитию нашего классического образования.

В результате становится очевидным, что исследование просодических проблем древних языков – это важная и нужная задача, актуальная и для современной классической науки; кроме того, ввиду многообразия и широты возникающих перед нами задач, мы понимаем, что такое исследование должно быть проведено комплексно – и с учетом данных, полученных такими классиками современной науки, как Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, Э. Френкель, У. С. Аллен или В. А. Дыбо, и с использованием современных научных достижений и методов, включая точные; с привлечением сведений, унаследованных нами из трудов античных грамматиков, и с помощью ряда экспериментальных средств. Эта работа – лишь первая скромная попытка комплексного решения одной из таких задач.

Областью диссертационного исследования послужила просодическая система латинского языка, взятая в различные периоды его истории; **предметом** исследования является латинское ударение, рассмотрение которого составляет две основные **задачи** работы. Во-первых, здесь достаточно подробно освещается тот список проблем, с которыми сталкивается исследователь при рассмотрении латинского ударения – именно освещается, а вовсе не разрешается, поскольку каждая из них вполне достойна отдельного (и не одного) научного труда. Во-вторых, особенно пристально в работе рассматривается проблема природы – фонологического и фонетического облика – классического латинского ударения. Эту задачу я старался разрешить как можно более всеохватно, рассматривая её с двух главных сторон – реконструктивной и дескриптивной. Первая предполагает подход, основанный на исследовании структуры латинского языка и его фонологической системы; вторая требует рассмотрения ударения ещё и с позиции античных грамматических описаний, сохранившихся в различных источниках.

Научная **новизна** предлагаемого исследования определяется уже тем, что до настоящего времени на русском языке не было написано *ни одного* научного труда, превышающего объём статьи, который был бы специально посвящён латинскому ударению. В зарубежной науке XIX-XX вв. такие труды имеются, однако в них латинское ударение рассматривается, как правило, лишь с одной или нескольких сторон: наглядным примером может служить обширная монография Э. Френкеля («*Iktus und Akzent im lateinischen Sprechverse*». Berlin, 1928), посвящённая исключительно вопросам взаимодействия ударения и икта в раннем драматическом стихе. Из существующих в наше время научных текстов подлинно комплексным исследованием по реконструкции просодии древнего языка следует признать монографию А. М. Девайна и Л. Д. Стефенса («*The Prosody of Greek Speech*», Oxford 1994), в известной степени послужившую примером и для этой работы.

Кроме того, научную новизну составляют следующие **результаты** исследования:

1. По возможности полно описан комплекс проблем, непосредственно затрагиваемых вопросом о природе латинского ударения.
2. Показано преимущество моровой теории для описания рассмотренных в комплексе данных латинской просодии:
  - a. сформулированы и формализованы правила выделения фонологических мор (арифметической кратности);
  - b. уточнено различие в природе моровых оппозиций между силлабическими и вокалическими морами; предложены принципы типологической классификации языков с фонологическим весом (т.е. имеющих некульминативную корреляцию геминации). Предложены термины «морометрические» и «моросиллабические языки».
  - c. продемонстрирована нетождественность акустической основы для моровых противопоставлений латинских и греческих слов путём применения статистического анализа к латинскому и греческому прозаическому тексту.

3. Показана особая роль ударения как ритмического центра геминантной корреляции внутри латинского слова:
  - a. предложено объяснение классическому правилу ударения (2/3 слога), построенное как функция от длины слова;
  - b. предложена теория удлинения последнего слога латинского слова во время действия правила 2/3 слога;
  - c. показана несостоятельность теории акцентных матриц, акцентно-иктовой теории стихосложения и акцентных теорий ямбического сокращения;
  - d. разграничением двух типов моровых оппозиций подтверждена теория латинской редукции, предполагающая переход кратких гласных в центральных слогах в редуцируемые гласные.
4. Проанализирована диахрония латинского ударения, имевшего тенденцию к динамизму ещё с итало-кельтских времён и определявшего тонально-динамические различия внутри себя взаимодействием в определённые эпохи двух типов моровых оппозиций.
5. Установлены принципы и методы античных акцентологических описаний, их связь со стоическими философскими учениями. Показано непротиворечие основных наблюдений античных грамматиков построенной теории латинского ударения.
6. Установлено особое место латинского языка в типологии просодических систем естественных языков, характерные особенности латинской просодической системы, отмечена её нетождественность греческой и типологическая близость арабской просодии.

Структура диссертации

Диссертация состоит из Введения, 3-х частей, каждая из которых членится на разделы, а каждый раздел – на более мелкие структурные единицы (подразделы и главки), заключения и общего библиографического списка; в диссертации используется сквозная дробная нумерация.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается выбор темы и её актуальность, определяются предмет и задачи исследования, излагаются его методологические основы, кратко приводятся результаты, составляющие научную новизну работы.

Трёхчастная композиция работы обусловлена тем, что проблема природы классического латинского ударения в ней рассматривается с двух главных сторон – *реконструктивной* и *дескриптивной*. Первая предполагает подход, основанный на принципах современной науки, учитывающий сопутствующие вопросы о структуре латинского слога, о моровом счёте и его критериях, о типах моровых отношений, о латинской просодической иерархии, об ударении в стихе, о латинском ударении в диахронии и его месте в индоевропейской акцентной системе – этому посвящена вся

вторая часть. Вторая требует рассмотрения ударения ещё и с позиции античных грамматических описаний, анализ которых изложен в третьей части: там исследуется проблема истолкования текстов, вопрос о стоицизме как об источнике античных акцентологических теорий, даётся объяснение тем или иным грамматическим свидетельствам. Обеим частям предпослана первая, вводная, где приводится краткая история изучения латинского ударения в XX в.

Первая часть диссертации «Латинское ударение как предмет изучения (проблемы исследований латинского ударения в науке XX в.)» посвящена обзору основных научных трудов XX в., так или иначе связанных с проблемами реконструкции латинского ударения. По существующей традиции выделяются две главные проблемы латинского ударения:

- 1) проблема природы классического латинского ударения;
- 2) проблема становления классического ударения – формализация позиции 2/3 слога и вопрос о так называемой «начальной интенсивности».

В XX в. решение этих вопросов предлагалось на основании двух методик: более ранние исследования пытались описать фонологическую природу ударения на основании его фонетической реальности – здесь мы имеем оппозицию тонального и динамического ударений. Ближе к середине XX в. Р. О. Якобсоном и Н. С. Трубецким был введён критерий фонологической моры, который не столько связывается с фонетической реальностью ударения, сколько выводит её из фонологической структуры акцентуруемого слога носителя; в этой связи ударение может быть моровым (занимающим часть слога) и слоговым (занимающим весь слог).

Ввиду принципиального различия между этими подходами историю изучения латинского ударения было решено представлять в диссертации в два этапа – до теории Якобсона (и Трубецкого) и после; в первом проблемной оппозицией будут тональные/динамические теории ударения (и компромиссные тонально-динамические), во втором – моровые/слоговые. Однако ввиду того, что первый, уже признанный в современной науке устаревшим, способ описания ударения превзойдён вторым, составляющим сейчас основу самой этой науки, то критическое рассмотрение этих теорий даётся по-разному: если теории первого рода могут быть оценены уже непосредственно при их описании, то вторые требуют уточнения таких понятий, как *мора*, *моровый счёт*, *моросчитающие языки* и т.д., что становится возможным благодаря успехам других, «неклассических» наук – типологии, экспериментальной фонетики и т.д. Поэтому конкретные выводы по этим работам делаются и далее во второй и третьей главах.

Тональная теория (Мейе, Жюре, Нидерман, Тронский) предполагает, что латинское ударение наследуется из индоевропейского, которое отличалось тональной природой и произвольным положением его в слове. Латинский язык всего лишь отвел для ударения определенную позицию в слове и закрепил его там. Доказательства музыкальной природы латинского ударения обычно приводятся следующие: во-первых, это описания, сделанные римскими учёными, где речь идёт о различении акута и циркумфлекса или о различии в движении тона (Диомед [К I, 431], Присциан [К III, 521], Донат [К IV, 371], Сергей [К IV, 482-483]); во-вторых, это данные

латинского стихосложения, в системе которого ударение не учитывалось – по сути дела, это своеобразное доказательство от противного. Однако слабыми местами тональных теорий следует признать неудовлетворительное объяснение законов редукции и синкопы, а также случившийся к III в. переход от латинской акцентной модели к итальянской. Традиционное объяснение, предполагающее усиление динамизма ударения, если и позволяет предположить причины перехода от латинской акцентной модели к итальянской, всё равно удовлетворительным образом не объясняет гибели квантитативного стиха: французским учёным, хотя и косвенно, приходится признать несовместимость динамического ударения и античной системы стихосложения, что, хотя и не всегда выражается ими явно, всё же никак не соответствует действительности (самые известные контрпримеры – эпический санскрит и квантитативная арабская поэзия). Особый вопрос для представителей тональной теории – это вопрос о циркумфлексе, последовательно отстаиваемый лишь И. М. Тронским (перешедшим впоследствии в лагерь сторонников моровой теории) и также имеющий ряд серьёзных противоречий.

Тонально-динамические теории можно разделить на две группы: первая, представленная в основном работами Ж. Вандриеса, предполагает, что два вида ударения – пралатинское динамическое и классическое тональное могли в какую-то эпоху существовать совместно. Иными словами, по Вандриесу, вполне возможно, чтобы в раннеклассический период первый слог каждого слова акцентировался динамически, тогда как второй или третий слог от конца нес тоническое ударение. Так предполагается объяснять закон редукции. Тем самым, по Вандриесу, мы сталкиваемся не с передвижением ударения, а с простой сменой его характера. Но и такая теория не лишена недостатков. Предложенная Вандриесом идея о смене характера ударения в короткие промежутки времени не кажется внушающей доверия. Эпоха, отведенная им для доминирующей роли тонального ударения, занимает менее 400 лет; маловероятно, чтобы это было достаточным по времени – при том, что до этого на протяжении относительно короткого временного промежутка шла динамизация первого слога, а после этого динамическое ударение формировалось уже на месте тонального, – тогда как данные, например, готского языка, историю которого мы можем лучше проследить по письменным памятникам от начала до конца, показывают, что для возникновения одних лишь синкопы и редукции потребовалось около пятисот лет. Кроме того, характерным недостатком всякой тональной гипотезы является тот факт, что она плохо объясняет многие фонетические процессы, которые так или иначе традиционно связывают с ударением; в первую очередь это вопрос о редукции и синкопе (апокопе), последняя из которых, хотя и часто встречается в языках, имеющих музыкальное ударение (как в греческом), в латинском языке всё же была гораздо частотнее; кроме того, к этим двум феноменам добавляются ещё ямбическое сокращение, удлинение гласного в корне односложных слов, отсутствие в языке односложных слов с кратким открытым слогом; важной проблемой оказывается и частое совпадение «акцента» и «икта» в латинской метрической поэзии и т.д. и т.п.

Другой вид тонально-динамических теорий предполагает различие двух типов ударения на разных дискурсивных уровнях (Ф. Эббот, Р. Кент). Эти теории

предполагают существование в латинском языке, начиная с эпохи расцвета римской республики, двух произносительных норм – народной (*vulgar Latin*) и элитарной (*formal Latin*). Первая была естественным следствием латинской языковой эволюции, вторая, отличавшаяся большей искусственностью и консерватизмом, возникла в латинском языке после III в. до Р.Х. под греческим влиянием. Поэтому, по мнению этих исследователей, античные грамматиканы отмечали тон в то время, когда в «народном» языке засвидетельствованы нарушения количества, а латинская поэзия стремилась к совпадению акцента и «икта». Вывод, который делается Эбботом и Кентом: динамизм латинского ударения, развившийся ещё в период ранней республики, был отличительным свойством «народного» языка; а элитарная норма, основанная на греческом влиянии – свойственная официальному языку и предписываемая римскими грамматиканами, придерживалась тонального ударения. С начала IV в., когда из-за общекультурного упадка «верхи» уже не могли культивировать элитарный литературный язык, а «низы» не хотели этого делать, древнеиталийское произношение вновь стало доминирующим. Недостатком этих теорий следует признать их несоответствие реальным фактам: Эббот и Кент явно смешивают варьирование на уровне структуры языка и на уровне нормы: описываемые просодические явления, без сомнения, имеют структурную принадлежность, и потому предполагать столь серьёзные различия в просодии при столь значительном сходстве, например, в сегментной фонологии абсурдно.

Динамические теории представлены в работе разными школами: англо-американской, рассмотренной на примере трудов Э. Стёртеванта и немецкой, – на примере работ Ф. Зоммера и А. Шмитта.

Основу концепции Стёртеванта составляет классическое учение о постепенном переносе латинского динамического ударения с первой позиции слова к концу. В качестве доказательства существования динамического ударения на первом слоге каждого слова он приводит следующие явления:

- 1) данные оскского и умбрского языков;
- 2) явления латинской редукции: (*praefectus, onustus* (< *onos)) и т.д.; явления синкопы: *calidus* : *caldus*, *balineus* : *balneus*, *opifex* : *officīna*;
- 3) некоторые явления гаплоггии: *re-ccidī > *reccidī* > *recidī*;
- 4) особые явления чередования: [awis] : [auceps], [iūwenis] : [iūnior], [faweō] : [fautor], [lawō] : [lautor].

При этом учёный полагает, что по месту явления синкопы, происходившей, несомненно, из-за соседства неударного гласного с ударением, мы можем отследить и перемещение последнего: *audācter* < *audāciter*, *sinīstra* < *sinīstera*, *nostrās* < *nostrātis*. На основании этого Стёртевант делает вывод, что и ударение классического периода могло провоцировать синкопу. Более того, Стёртевант приводит и некоторые явления сокращения гласных под воздействием (до-)классического ударения: *amicītia, tibi ēuēnit* [Plaut. Merc., 774], *bene ēuēnisse* [Plaut. Poen., 1078] и др. Ударение, способное вызывать синкопу после себя и сокращение гласных в предударном слоге, несомненно, должно содержать в себе динамический компонент, и немалый. Также Стёртевант приходит к выводу, что для латинского языка было характерно тождество – = ◡◡,

но не с точки зрения количества, а с точки зрения способности принимать на себя акцент. Этим он и пытается объяснить закон ямбического сокращения, который сводит «неудобное» (с точки зрения постановки ударения) сочетание $\sim \text{—}$ к виду $\sim \sim$.

Теория Ф. Зоммера во многом сходна с теорией Э. Стёртеванта. По ней, динамизм появляется в латинском языке в праиталийскую эпоху, когда в нем, а также в умбрском и оскском языках, начинают наблюдаться явления начальной интенсивности. Последнюю автор трактует как динамическое ударение на первом слоге. Такое ударение сохранялось, по мнению германских учёных, примерно до времени Плавта. Одновременно с этим начинает формироваться вторичное ударение, занимающее привычную для нас позицию 2/3 слога от конца; с потерей силы начального ударения именно оно становится основным в латинском слове. Зоммер указывает на значимое соотношение акцента и икта в латинском стихе, не проводя при этом, однако, собственных метрических изысканий.

Теория А. Шмитта сильно отличается от предшествующих. Он предлагает классифицировать виды ударения на *сильноцентрализованные* и *слабоцентрализованные*. Ударение, как правило, всегда содержит в себе и тональный и динамический компоненты; главным, по мнению Шмитта, является то, какое положение занимает акцентный пик в ударном слоге: *сильноцентрализованные* акценты – это те, в которых вершина ударения «равномерно» покрывает слог – такой акцент, как правило, отличается большей силой; *слабоцентрализованный* акцент, наоборот, приходится обыкновенно на какую-то часть слога, поэтому сильнее заметным становится тональное различие, тогда как сила, требуемая для произнесения ударного слога, оказывается меньшей. Латинское ударение, считает Шмитт, в глубокой древности отличалось *слабоцентрализованным* акцентом, наподобие того, что мы имеем в греческом языке, – этот тип ударения был унаследован латинским языком из общеиндоевропейского языкового состояния. Затем в праиталийский период акцент приобрел *сильноцентрализованный* характер и закрепился на первом слоге слова, что и вызвало редукцию гласных, синкопу и т.д. (Шмитт ссылается на Зоммера). В дальнейшем *сильноцентрализованный* акцент сменяется постепенно *слабоцентрализованным* (но не столь слабо, как было прежде) на привычной для нас позиции. Позднейшее изменение латинского ударения представляется Шмитту постепенным увеличением акцентной централизации.

Однако и у динамических теорий ударения есть слабые места: в первую очередь – это несоответствие реконструируемых данных сведениям, полученным нами от римских грамматиков. Такое несоответствие объясняется авторами динамических теорий обыкновенно греческим влиянием.

Слоговые теории ударения, представленные трудами Е. Куриловича и У. С. Аллена, продолжают традиционные динамические. Их отличительной чертой служит полемика с описанной ниже моровой теорией. Взгляды Е. Куриловича весьма соотносимы с теорией Стёртеванта и свидетельствуют в пользу динамической природы акцента:

- 1) динамическое ударение на первом слоге выполняло в пралатинскую эпоху делимитативную функцию; его появление и потеря – факт не только латинского, но и других италийских языков;

- 2) классическое ударение – наследство пралатинского; оно было способно вызывать все описанные у Стёртеванта явления, удлинять односложные слова и т.д.;
- 3) позицией ударения (как праиталийского, так и классического) могли быть как один слог, так и два;
- 4) в последнем случае наблюдается тождество $\_ = \cup \cong$ для акцентной позиции.

Курилович считает, что в метрике Плавта указанное тождество выполняется всегда. Ямбическое сокращение он объясняет тоже из этого соответствия: ударение занимало такую силлабическую позицию, если за сочетанием $\cup \_$ следовали другие слоги. В противном случае, если других слогов просто не было, происходило сокращение односложного слова до пиррихия: $\cup \cup$. Причины же этого явления конкретно не объясняются. Курилович считает, что ямбическое сокращение было общим явлением: ему подчинялись все слова ямбической структуры, включая глагольные формы (*amā, putō*). Затем же (в литературном языке?) часть форм выправилась по аналогии (*amā : dēlē* и т.д.) Язык Плавта как раз и отражает состояние перехода.

По мнению У. С. Аллена, ключ к разрешению вопроса о природе ударения лежит в свойствах латинского слога: он, признавая фонологичность противопоставления тяжёлых («долгих») и лёгких («кратких») слогов, тем не менее, исключает понятие моры из определения веса слога. Аллен находит, что латинское ударение было *резким динамическим*, типа 'diminuendo' (т.е. имеющим скорый пик и затем постепенно затухающим на ударном слоге), которое первоначально, в пралатинскую эпоху, падало на первый слог каждого слова, тогда как в более позднюю эпоху оно, подчиняясь предложенному Алленом закону об акцентных матрицах, переместилось ближе к концу слова, где мы его и видим в классическую эпоху.

Акцентная матрица – это такая силлабическая структура, в которой латинское ударение полностью исчерпывает свой динамический диапазон. Аллен постулирует, что в одном слоге акцент может полностью затухнуть только в том случае, если он является тяжёлым (как в *re.fêc.tus* или *re.lâ.tus*); поэтому все тяжёлые слоги являются потенциальными носителями акцента. Если же тяжёлого слога нет, то лёгкий слог, вынужденно несущий акцент, объединяется со следующим лёгким слогом в суперсиллабическое единство, объединённое общим ударением (*re.{fî.ci}.ō, p{îù}s*). Правило ударения по Аллену: акцентом выделяется всегда последняя акцентная матрица слова, исключая последний слог. Тем самым Аллен признаёт тождество $\_ = \cup \cup$, предложенное для латинской фонологии ещё во времена Стёртеванта и возведённое сторонниками моровой теории в общее фонологическое правило; однако Аллен говорит лишь о тождестве слогов под ударением. Из несоответствия группы слогов структуре матрицы Аллен объясняет ямбическое сокращение и удлинение гласных в односложных словах. Однако главный недостаток этой теории всё тот же: она не сочетается с данными грамматиков; кроме того, существование акцентных матриц возможно только под ударением, тогда как тождество $\_ = \cup \cup$ наблюдается в латинском языке и в безударных позициях; теория Аллена полностью

противоречит законам античной метрики, а его объяснение построения стихов с позиции устаревшей акцентно-иктовой теории представляются неубедительными.

Моровые теории представлены в диссертации работами Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого. С точки зрения Якобсона и Трубецкого, латинское ударение не есть самостоятельное явление: оно целиком и полностью зависит от фонологического «количества» слога. Учёные различают «долгие» (двуморные) слоги и «краткие» (одноморные); природа ударения в языке есть функция места ударения: если ударение занимает весь слог, то его следует считать силовым, если только часть слога – одну мору, то музыкальным. При этом предполагается, что фонетически ударение всегда содержит в себе каждый из трёх просодических компонентов – тон, длительность и силу (интенсивность); преобладание той или иной величины зависит в первую очередь от фонологических свойств ударения.

Р. О. Якобсон определяет место латинского ударения на второй мору, считая от последнего слога; тем самым он предполагает преобладание тона над силой. Н. С. Трубецкой говорит о том, что ударение занимает целиком тот слог, который содержит вторую мору, считая от последнего слога; таким образом, он скорее присоединяется к мнению о главенстве силы над тоном в латинской фонетике. Из современных работ к моровым теориям следует отнести труды Т. А. Карасёвой, занимающей компромиссную позицию между упомянутыми авторами и И. М. Тронским.

В целом, моровая теория представляется наиболее убедительной из существующих. Однако она оставляет ряд вопросов, главным из которых будет вопрос о соотношении морового и тонального ударений: предполагает ли одно другое? каким было ударение в латинском языке? как это объясняет все сопутствующие явления? Параллельно с этим возникает вопрос о критериях выделения мор, видах мор (если они есть), их фонетической реальности, месте латинской просодии в типологической классификации и соотношении реконструируемых фактов данным античных грамматиков. Эти проблемы рассматриваются во второй части.

Применение моровой теории невозможно без понимания законов взаимодействия слогов. Поэтому во **второй части** работы, содержащей собственный анализ латинских языковых данных, вначале последовательно рассматриваются: 1) проблема фонологичности оппозиции латинских слогов; 2) акустическая основа такой оппозиции; 3) моровые основы оппозиции.

Против фонологического тождества открытого слога с долгим гласным и закрытого с кратким для латинского и греческого языка высказывался Э. Палгрэм (Пульграм, Пэлграм). Его теория, восходящая к работам Ф. Эббота и Р. Кента начала XX в, также предполагает произошедшее в III в. до Р. Х. разделение латинского языка на “formal” и “informal Latin”. Палгрэм считает, что последний уже в III в. до Р. Х. потерял смысловозначительную оппозицию по долготе/краткости, а первый, в свою очередь, был способен элиминировать словесное ударение в синтагмах, поскольку, по мнению Палгрэма, словоразделы теряли свои фонологические свойства в высказываниях длиннее, чем в одно слово. «Письменному» типу латинского языка автор, подобно Эбботу и Кенту, приписывает музыкальность ударения и квантитативную

оппозицию, взятую «у греческих учителей». Сообразно его теории, количественные системы всех языков мира делятся на три вида:

- 1) системы с количеством гласного, для которых открытость / закрытость слога не важна;
- 2) системы с *силлабическим весом*¹, для которых $S\bar{a} = S\check{a}C \leftrightarrow S\grave{a}$;
- 3) системы с «*силлабическим количеством*», изобретённые самим Палгремом, в которых последовательности $S\bar{a}$ или $S\check{a}$ в сочетании с двумя или более согласными (без различий в слогоразделе) трактуются как «долгие», тогда как они же с последующей одной согласной или без неё – как «краткие».

Последний просодический вид исследователь справедливо называет нефонологическим и искусственным. Однако далее он же утверждает, что, хотя устный латинский язык относился ко второму просодическому виду, письменный – т.е. официальный литературный латинский язык – принадлежал к третьему; по его мнению, это – прямое следствие греческого влияния, поскольку греческий язык якобы тоже принадлежит к третьей группе и что в греческой метрике тождество $S\bar{a} = S\check{a}C$ было введено искусственно для того, чтобы компенсировать нехватку слогов типа $S\bar{a}$ в стихах.

Однако теорию Палгрема следует признать неубедительной, хотя бы потому, что фонологичность *силлабического веса* в греческом языке доказывается правилом образования степеней сравнения прилагательных, где вес слога на стыке с морфемой *-τερ-* напрямую зависит от фонетического веса предшествующего слога (*πικνότερος = παυρότερος ↔ ἀξιώτερος*), действием законов Уиллера, Гудвина и Вандриеса; фонологическое противопоставление слогов наблюдается в ряде других языков – финском, арабском, ведийском, японском, илокано и т.д., тогда как принципы нефонологического количества, придуманные Палгремом, не наблюдаются ни в одном. Таким образом, нам приходится признать фонологичность оппозиции латинских слогов по весу.

Следующий вопрос – это вопрос об акустической основе противопоставления по весу ($S\bar{a} = S\check{a}C \leftrightarrow S\grave{a}$). К настоящему времени существует две наиболее распространённых на сей счёт теории. Теория Р. Стетсона предполагает физиологические причины. Слог, по Стетсону, является единым целым, своего рода артикуляторно-физиологическим продуктом. При этом все движения мышц грудной клетки, задействованных в речепроизводстве, определяются автором как примарные, тогда как артикуляторные движения названы секундарными. Слог считается «наименьшим ритмическим звеном в общем организованном движении».

Из теории Р. Стетсона получается, что различие между тяжёлыми и лёгкими слогами связано с работой так называемого «стопорного механизма»: все закрытые слоги закрыты консонантным звуком и потому «торможение» происходит на уровне ротовой полости; открытые же слоги с долгим гласным также «тормозятся», однако на более низком, субгортанном уровне – Стетсон видит здесь инспираторное движение внешних межрёберных мышц. Работа *arrest mechanism* требует дополнительного усилия и нагрузки; так термин «фонетический вес» слога приобретает реальный

---

¹ Этот устоявшийся в англо-американской школе термин будет использоваться в работе и далее.

смысл: лёгкие слоги при произнесении исключают стопорное усилие, тяжёлые требуют его. Так получается, что за фонологическим противопоставлением слогов по «весу» скрывается фонетическое различие, близкое к сформулированному Якобсоном, Фантом и Халле различию по напряжённости. Таким образом, получается, что из трёх основных физических величин, сочетанием которых акустически выражаются просодические явления, вес слога определяется Стетсоном преимущественно как функция от интенсивности. Такое понимание природы слога подтверждается не всегда: во-первых, эксперименты П. Ладефогта, М. Х. Дрейпера, Д. Уиттериджа и М. Хошико опровергают ряд положений Стетсона; во-вторых, с фонологической точки зрения теория Стетсона, оперирующая лишь оппозицией *arrested/unarrested* не способна объяснить иерархию лёгких слогов в гуджарати (где их три вида) или тот факт, что в индейском языке читимача (Луизиана) закрытые слоги с редуцированным гласным приравниваются к лёгким, тогда как все другие закрытые считаются тяжёлыми. Недостатком теории Стетсона в её применении к классическим языкам является и то, что основные её положения не подтверждаются данными греческих и римских грамматиков, говоривших всегда о длительности слога, но не о смычности.

Теория А. М. Девайна и Л. Д. Стефенса как раз пытается вывести фонологический вес из акустической длительности слога. По их мнению, если в языке прослеживается фонетическое различие по весу, это значит, что сознанию носителей этого языка присущи так называемые «внутренние часы», отмеряющие длительность языковых единиц в плане выражения. Если звучание такой единицы заметно дольше, чем сколько-то (т.е. некоего условного предела), то в сознании говорящего или слушающего она воспринимается как «большая, долгая, тяжёлая», если короче – то как «маленькая, краткая, лёгкая»; при этом комплекс одновременно воспринимаемых стимулов может также интерпретироваться как имеющий большую длительность, даже в том случае, если длительность каждого из них не превышает этого предела. Таким образом, речь идёт о *фонологической длительности слога*, что, в свою очередь, не противоречит и данным античных грамматиков. Для объяснения этих фактов Девайн и Стефенс обращаются к экспериментальным данным, которые показывают, что в моросчитающих языках длительность закрытого слога и открытого с долгим гласным весьма сходны, тогда как время произнесения открытого слога с кратким гласным короче примерно вдвое. Отношение «долготы»/«краткости», выраженное в большинстве языков как 2 : 1 хорошо объясняется с позиции общей психологии ритма. У каждого человека имеются два контрастирующих ритмических интервала: один 200-300 мс, соответствующий высокой частоте и малой длительности, а другой – 450-900 мс, – отвечающий большей длительности и низкой частоте, – они вполне соответствуют ритму многих функций человеческого организма, например, ударам сердца, которое, сокращаясь при нормальных условиях в среднем 70-75 раз в секунду (т.е. каждое сокращение – ок. 800 мс), способно при физической нагрузке увеличить частоту своих сокращений в два и более раза, переходя тем самым из низкочастотного ритмического интервала в высокочастотный.

Тем не менее проведённые исследования позволяют утверждать, что выведение фонологического веса только из длительности неправомерно. Во-первых, как уже было сказано выше, существуют языки, имеющие фонологический вес (напри-

мер, полабский), в которых краткие закрытые слоги приравниваются к лёгким. Во-вторых, большинство экспериментальных данных говорит нам о том, что закрытые краткие слоги (особенно в языках с фонологическим весом) имеют тенденцию быть фонетически большей длительности, чем долгие открытые слоги; а это наблюдение в значительной степени противоречит типологически установленной иерархии $C\bar{a} > C\check{a} > C\grave{a}$, по которой долгие слоги имеют большее фонологическое преимущество, чем закрытые краткие.

Более правильным представляется подойти к решению проблемы силлабического веса с другого конца – не с акустических замеров, а с установления реального его фонологического значения в том или ином языке. Фонологический вес заключается в том, что какой-то слог в языке – с долгим слононосителем или закрытый – воспринимается и ведёт себя по каким-то причинам как «большой» («тяжёлый», «долгий» и т.д.) в противовес другому слогу, воспринимаемому «маленьким». Поэтому, если единственное, из чего в языке устанавливается фонологичность силлабического веса, – это иерархия ударения, то это означает, что все те фонетические факторы, которые определяют место ударения в словах этого языка, и составляют фонологический вес слога. При этом, если акустическую длительность, по справедливому замечанию Девайна и Стефенса, можно считать неотъемлемым средством выражения фонологического веса, то это не означает, что этот вес не может включать в себя и ряд других сопутствующих явлений – «звучность», интенсивность и т.д. (причём в каждом языке в своих пропорциях), тем более, что перцептивная длительность комплекса одинаковых стимулов, как об этом говорилось выше, установлена и экспериментально. Таким образом, имеются все основания предполагать, что за фонологическим понятием веса стоит – по крайней мере, в некоторых языках – не просто длительность, а целый комплекс акустических явлений, включающий в себя в известной пропорции все три основные физические величины, причём эти пропорции могут варьироваться от языка к языку.

Для проверки этого предположения было проведено статистическое исследование слогов в латинском и греческом языке на предмет соотношения веса слога и длительности слононосителя.

	<i>Демосфен</i>			<i>Цицерон</i>		
Общее число слогов:	8329	= 100%	ω	7518	= 100%	ω
тяжёлые слоги	4032	48.4%	0.94	4596	61.1%	1.57
лёгкие слоги	4297	51.6%		2922	38.9%	
долгие слоги (+перегруженные)	2858	34.3%	0.52	2329	31.0%	0.45
краткие слоги	5471	65.7%		5189	69.0%	
закрытые слоги	1907	22.9%	0.30	2575	34.3%	0.52
открытые слоги	6422	77.1%		4943	65.7%	
Перегруженные слоги	555	6.7%	–	299	4.0%	–

Таблица 1. Статистическое соотношение слогов в текстах Демосфена и Цицерона

Статистика показывает, что вероятность появления долгого слога в обоих языках почти одинакова – приблизительно 1:2; мы видим далее, что установленное большинством исследователей синтагматическое отношение длительностей 1:2 отражается и в парадигматическом срезе языка: те слоги, которые (фонологически) звучат в два раза дольше встречаются в словах языка в два раза реже.

Но если мы сходным образом рассмотрим и оппозицию слогов по весу, то увидим, что вероятности появления тяжёлых и лёгких слогов в обоих языках глубоко не одинакова. Если в греческом языке тяжёлые и лёгкие слоги соотносятся друг с другом почти как 1:1 ($\omega_{\text{греч}} = 0.94$), что, надо сказать, тоже представляет собой удивительный феномен, то в латинском языке число тяжёлых слогов превосходит число лёгких более, чем в полтора раза, и приближается к отношению 1.6:1 в пользу тяжёлых.

На основании данных таблицы нетрудно рассчитать долю долгих слогов в общем числе тяжёлых в каждом из языков: для греческого текста она будет соответствовать $2858 / 4032 \cdot 100\% \approx 70.1\%$, а для латинского – $2329 / 4596 \cdot 100\% \approx 50.6\%$. Иначе говоря, получается, что каждый тяжёлый слог греческого языка в двух случаях из трёх будет содержать в себе долгий слононоситель – т.е. отношение долготы/краткости как в общем числе слогов, так и внутри выборки тяжёлых слогов опять приближается к фундаментальному отношению 1:2 или 2:1. В латинском же языке появление долгого и короткого тяжёлых слогов равновероятно при том, что доля долгих слогов в общей выборке та же.

Это происходит потому, что латинский и греческий языки используют разные просодические механизмы в слогаобразовании: если в греческом языке силлабический вес находится в теснейшей связи с длительностью слононосителя, то в латинском языке вес в меньшей степени определяется типом слоговой интерлюдии, что можно заключить из соотношения открытых и закрытых слогов (которое опять приближается к отношению 2:1). Греческий язык значительно больше предпочитает открытые слоги закрытым, чем латинский – вес в них создаётся исключительно долготой; латинский язык, наоборот, отличаясь несравненно большей «текучестью» гласных, гораздо сильнее любит «изгонять» долготы в закрытых слогах – по закону Остофа и рядом других групп согласных (*amāre* → *amāntis*), в последнем закрытом слоге (*amāt*), или удлинять их там, где требуется сохранение веса слога, – перед *-ns*, *-nf*, при упрощении консонатной группы (*dīdūcō*), в случаях типа *bāca* / *bācca* и т.д.

Значит, фонологические процессы, в частности слогаобразование, происходят в этих языках очень по-разному: если в греческой фонологической системы вес определялся преимущественно из общей длительности слога, то в латинской ситуация была, скорее, обратная: фонологический вес оказывается не вторичным просодическим явлением – порождением длительности, – а существует с нею на равных, заставляя нас иной раз думать, что именно он должен рассматриваться как некий первоэлемент латинской просодии. Так или иначе, есть все основания полагать, что фонетический вес в латинском языке есть некий комплекс акустических явлений, не сводимый к элементарной длительности, но затрагивающий и такие явления, как интенсивность, а возможно – и некоторые другие. Такой подход помогает отчасти

примирить теорию Девайна и Стефенса с некоторыми взглядами Стетсона, а также некоторыми данными экспериментальных исследований о которых говорилось выше.

Следующий вопрос для нас – было ли противопоставление по весу в латинском языке моровым. Для этого оказалось необходимым вначале чётко определить критерии морового счёта, в явном виде не сформулированные даже у Н. С. Трубецкого.

Совершенно очевидно, что главным отличительным признаком моросчитания служат арифметические правила чётности – а лучше говорить: *кратности* – в языке: это означает, что одной «большой» фонологической структуре соответствует кратное число «малых», простых единиц, – например, $2 = 1 \cdot 2$ или $3 = 1 \cdot 3$. Однако кратность эта может проявляться тоже в двух видах – в виде парадигматического правила, предполагающего указанное арифметическое тождество, и в виде определённой временной организации единиц, отражающей это правило. Поэтому нам необходимо говорить о *парадигматических* и *синтагматических правилах кратности*. Кроме того, не следует забывать и том, что моровое различие между слогами оказывается ещё и особой фонологической оппозицией, действующей для слогов данного языка. Поэтому три первых критерия моросчитания можно сформулировать следующим образом:

- 1) в языке действует фонологическая оппозиция слогов, отличная от ударности/безударности;
- 2) в языке действуют *правила парадигматической кратности*: это значит, что в языке существуют правила, которые описываются подстановкой одного n -морного слога или n одноморных слогов в позицию p ;
- 3) в языке выполняются *правила синтагматической кратности*: это значит, что для последовательности слогов S предполагается членимость на p (т.е. на группы из или n одноморных слогов или одного n -морного слога).

Все эти правила прямо или косвенно вытекают из классификации Н.С. Трубецкого. Не хватает в ней только одного, последнего правила, которое, однако, оказывается ключевым для морового противопоставления. Дело в том, что просодическая система, построенная на трёх только что выявленных критериях, в качестве как максимальной, так и минимальной единицы будет предполагать последовательность из n мор: иными словами, всеми возможными структурами для, например, двуморного языка окажутся только $\langle \circ \circ \rangle$ или $\langle \bullet \bullet \rangle$ – как в синтагматике, так и в парадигматике. Такой язык будет иметь правила тождества $2 = 1+1$, но не будет иметь правил кратности, поскольку двуморному слогу одноморный как таковой не противопоставляется. Этот язык окажется языком *матричного*, но не *морового* строя. Поэтому нам совершенно необходимо ввести ещё один последний критерий:

- 4) одноморный слог может быть самостоятельной ритмической единицей:
  - а) в парадигматическом смысле: допускается подстановка одноморного слога в n -моровую позицию p – например, $\langle \circ \rangle$ в позицию для $\langle \circ \circ \rangle$ или $\langle \bullet \bullet \rangle$;

- b) в синтагматическом смысле: силлабические последовательности S не всегда могут быть поделены на $\langle \circ \circ \rangle$ или $\langle \bullet \bullet \rangle$ без остатка.

Двусоставность двуморовых компонентов бывает неодинакова. В частности, пять установленных Н. С. Трубецким способов выражения двусоставности, могут быть классифицированы на две большие группы по *временной реализации моровых отношений*. Такие группы было решено именовать силлабическими и вокалическими морями. Силлабические моры различают слоги абстрактно – безотносительно своего расположения во времени. В зарубежной лингвистике эта абстракция именуется фонологическим весом. Вокалические моры различают слоги конкретно: двуморовый слог представляет собой последовательную временную реализацию мор, результатом чего почти всегда оказывается временная членимость слогоносителя. Поэтому моры и названы *вокалическими*: они гораздо теснее связаны именно со слогоносителями – хотя ими вовсе не обязательно должны быть гласные звуки. Например, для ведийского или сербского языка есть смысл говорить о вокалических морях при слогаобразующих согласных, а некоторые языки, например, японский и эскимосские, стремятся так строить свои закрытые слоги, чтобы длительность закрывающих согласных соответствовала длительности одноморного слогоносителя.

Применив установленные принципы к данным латинской и греческой просодии, мы неизбежно приходим к выводу, что греческий язык содержал оба типа моровых отношений, тогда как латинский – лишь один: силлабические моры. Вообще, получается, что все языки – как моросчитающие, так и нет – на основании моровых оппозиций могут быть разделены на четыре группы: имеющие обе оппозиции, имеющие только вокалические, только силлабические моры и не имеющие мор вообще. Примеры представлены в *таблице 2*:

	силлабические моры +	силлабические моры -
вокалические моры +	древнегреческий	литовский сербохорватский
вокалические моры -	латинский классический арабский	русский и другие слогосчитающие

Таблица 2. Два типа моровых отношений в типологической перспективе

Возникает вопрос: являются ли силлабические и вокалические моры в таких языках, как греческий, двумя различными фонологическими оппозициями или же двумя возможными вариантами проявления одной. В диссертации принята позиция, согласно которой вокалические моры есть частный случай оппозиции слогов по весу. В таком случае те языки, в которых силлабические моры имеют тенденцию регулярно превращаться в вокалические (как в японском и эскимосском), мы условно назовём *морометрическими*, а те, в которых имеется лишь оппозиция по весу (как в

латинском) – моросиллабическими². И те и другие имеют противопоставление слогов по весу, причём тяжёлые слоги в них фонологически двусоставны (имеют две моры), а лёгкие воспринимаются как односоставные. В морометрических языках, моры в слогах стремятся располагаться последовательно и изохронно; двуморовость в таких языках тесно (или, по некоторым данным, даже напрямую) связана с акустической длительностью; эти языки предпочитают – или используют исключительно – открытые слоги, в них царит музыкальное ударение и квантитативная система стихосложения. В моросиллабических языках (таких, как арабский), наоборот, моры не стремятся к последовательному расположению в слоге и изохронии, а противопоставление слогов по весу фонологически сводится лишь к различию двуморных и одноморных слогов, без различия в последовательностях мор внутри них; поэтому в таких языках невозможна, в частности, оппозиция острого и облечённого ударений. К этой группе языков будет относиться и латинский классической эпохи. Тем самым есть все основания согласиться со взглядом Н. С. Трубецкого на природу латинского ударения: оно занимало целиком весь слог, содержащий «ударную» мору.

В качестве экскурса в проблему морометрии в работе предлагается способ описания и греческого ударения через два типа моровых отношений; греческий язык, имеющий вокалические моры лишь в отдельных слогах, следует признать промежуточным между моросиллабическими и морометрическими.

Далее латинское ударение последовательно рассматривается в терминах силлабических и вокалических мор: первые позволяют описать его законы в синхронии классического периода, вторые – проследить его диахронию с древнейших времён.

Вначале разбирается вопрос о преимуществе морового описания ударения над методом акцентных матриц, предложенным У. С. Алленом. С первого взгляда может показаться, что теория Аллена удовлетворительно объясняет многие фонологические процессы в латинском и отчасти греческом языках. Однако это не так. Несоостоятельность теории Аллена для греческого языка была показана ещё Девайном и Стефенсом, которые заметили, что ритмический закон Аллена противоречит данным метрической поэзии, в частности, «мостам» в ямбическом триметре, а его *unaccentual stress* в сочетании с тональным ударением греческого языка не подтверждается, ко всему прочему, ещё и данными типологии. Однако самое слабое место теории матриц Аллена не в этом и даже не в том, что двусложное ударение – не как частность, а как общесистемная закономерность – не засвидетельствовано, насколько известно, ни в одном индоевропейском языке. Главный недостаток этой теории для латинского языка – это общая неясность статуса акцентной матрицы: ведь если матрица есть определяющий фактор для латинского ударения – то, значит, она должна быть некой фонологической единицей и тем самым органично вписываться в структуру латинской просодии. Тогда и всё просодическое слово с неизбежностью должно всегда представляться в виде последовательности таких матриц, что едва ли возможно для многих из них (например, *factiōnibus*). Напротив, в латинском языке одноморные слоги имеют свой особенный статус, что подтверждается и теорией Ю. В. Откупщикова о склонности латинского языка к нечётному числу мор. Тем самым ми-

---

² Приведённые термины (ввиду отсутствия общепризнанных русских аналогов) представляют собой вольный перевод английских *mora-timed language* и *syllable weight language* соответственно.

нимальная просодическая единица ритмики слова всё же мора, а не матрица. Если же расценивать матрицу просто как (случайное) объединение слогов под ударением, то тогда она окажется по отношению к ударению явлением вторичным и тем самым малоинтересным; естественно, что такие «матрицы» никакого экспликативного значения иметь не будут и описать в терминах матриц ударение окажется невозможным.

Тем не менее есть все основания говорить о существовании в моросчитающих языках ритмических групп, созданных, однако, не ударением, но построенных на моровых основаниях. Так, теория Дж. МакКарти и А. Принса, созданная на примере ряда восточных языков, предполагает, что многие из моросчитающих языков стремятся на просодическом уровне к строгой структурной организации, названной учёными *просодической иерархией*: слово членится на стопы, стопы на слоги, слоги – на моры. Стопа содержит всегда либо два слога, либо две моры; из свойств бинарности стопы и просодической иерархии вытекает понятие *минимального просодического слова*, которое соответствует одной стопе. Ещё дальше пошли А. М. Девайн и Л. Д. Стефенс, установив похожую иерархию и синтагматическую субординацию слогов для древнегреческого языка.

Правомерно поставить вопрос, действовали ли сходные правила и в латинском языке. Конечно, сразу придётся признать, что объективное доказательство или опровержение идеи о том, что латинские стопы существуют, требует серьёзного изучения и статистической проверки, что выходило бы далеко за пределы темы, очерченной в работе. Однако проведённые наблюдения дают основание думать, что понятие минимального просодического слова для латинского языка всё же актуально, тогда как на вопрос о ритмических стопах придётся ответить скорее отрицательно. Существование минимального просодического слова видно, как представляется, из действия ряда метрических законов (Ричля и Германа-Лахманна): первое запрещает рассечение словоразделом позиции пиррихия: * $\cup$ | $\cup$; второе запрещает размещение в этой позиции последнего слога слова..

При этом оба закона не действуют

- 1) в случае односложного пиррихического слова (# $\acute{u}b\grave{i}$ #);
- 2) в случае двух односложных слов (# $qu\grave{o}d$ # $\acute{u}t$ #);
- 3) в случае элизии последнего слога (# $f\grave{a}c\acute{e}r'$ #).

Отсюда можно выявить две тенденции:

- 1) заполнять позицию минимальным двуморным просодическим словом;
- 2) не приравнивать последний лёгкий слог слова к одной море.

Что касается существования ритмических стоп как таковых, то, очевидно, придётся признать, что ритмика латинского слова серьёзно отличалась от греческого. В древнегреческом языке ритмика и ударение оказываются двумя сторонами одного просодического движения, причём вершина тона оказывается совершенно независимой от ритмики слова. В терминах Н. С. Трубецкого, древнегреческий язык сочетал в себе две моровых корреляции – некульминативную корреляцию геминации и

кульминативную мелодическую корреляцию. Тем самым ударением оказывалось движение тона сначала в сторону слога наибольшего напряжения, а затем от него, тогда как ритмическая структура слова не имела единственного (глобального) центра напряжения, противопоставленного всем прочим слогам, и представляла собой чередование отдельных (локальных) точек напряжения и разрешения.

В латинском языке корреляция геминации (вес), существуя как первичное просодическое явление, определяла ещё и свойства ударения – которое, в свою очередь, оказывается глобальным ритмическим центром слова³. И хотя, как будет видно в дальнейшем, латинское ударение не участвовало напрямую в ритмических чередованиях стиха, всё же невозможно поверить, чтобы латинский тяжёлый слог, несущий ударение, мог оказаться в положении подчинения. Удлинение ударного слога, пусть и очень незначительное (+ 3-4 мс), засвидетельствовано, по некоторым данным, даже в японском, который имеет “pure pitch accent”; в испанском языке ударный слог дольше на 50%, в английском на 40%. Поэтому, если греческое слово *ἀνθρώπων* можно представить, по Девайну и Стефенсу, в виде чередования + – + (где ‘+’ – сильная доля, а ‘-’ – слабая), то латинское *commōtus* так поделить невозможно; более того, если принять во внимания данные об относительном сокращении слогов в предупредном положении, которое действует во многих языках с динамическим ударением, то предложенное слово захочется поделить зеркально: – + –, где и ритмическое и интонационное движения направлены сначала в сторону одного общего центра напряжения, а затем от него. Тем самым латинское ударение представляется некой переломной точкой между этими двумя движениями. Между прочим, очень похожее описание природы латинского ударения мы находим и у двух античных грамматиков – Варрона [fr. 278] и анонимного автора трактата *De accentibus* [K III 521, 24] (Псевдо-Присциана), последний из которых называет «восходящее» движение, куда включается и сам ударный слог, *арсисом*, а заударное «нисходящее» – *тесисом*.

Мы видим, что для латинского языка первичным просодическим компонентом является силлабический вес, тогда как ударение – его прямое следствие – представляет собой ритмическое явление уже второго порядка. Отсюда понятно, что объяснение ямбического сокращения и основ метрических чередований в стихах так, как это пытались сделать Аллен, Френкель, Стертевант, Лео и др., не имеет под собой никаких оснований. Это подтверждается и наблюдениями Г. Лепперманна и В. Маньчака, установившими, что ямбическое сокращение происходит исключительно в безударной позиции.

С другой стороны, представляется справедливым выдвинуть гипотезу о (субморфовом) удлинении последнего слога в латинском слове, которое действовало одновременно с законом о месте ударения на 2/3 слоге и до него.

Это отчётливо видно, в частности:

- 1) из правил редукции;
- 2) из уже описанных правил метрических словоразделов – в частности правила Ричля и Германна-Лахманна; отчасти из правила Мейера и Порсона;

---

³ Ср. определение грамматиков: *anima uocis* – ‘душа слова’ [Diomedes K I, 430; Pompeius K V, 126].

- 3) из «сохранения длительности гласного» в последнем слоге, «восстанавливаемого» на основании метрики: *decēt* [Ter. Heaut., 1054], *erāt* [Ter. Phorm., 654], *uersāt* [Enn. Ann., 338]; более того: *stetīt* [Ter. Phorm., 9], *cupīt* [Ter. Hec., 344], *profuīt* [Ter. Hec., 463];
- 4) из правил постановки ударения перед энклитиками (*Mūsāque*), о чём почти единодушно свидетельствуют грамматики;
- 5) из последних анкетсов метрических стихов.

Если считать вес последнего слога постоянной единицей, всегда превышающей вес неконечного лёгкого слога, то это позволит лучше объяснить как место ударения на 2/3 слоге, так и правила ударения при энклитиках.

Для вычисления места латинского ударения в слове можно использовать следующую формулу:

$$P_A = N_s + N_f - 1 \quad (1)$$

где

P_A – это позиция ударения (номер «ударной» т.е. счётной⁴ моры),

N_s – число слогов в слове,

N_f – число мор в последнем слоге.

Если принять во внимание описанный выше закон позиционного удлинения последнего слога до условных двух мор, то правило (1) упрощается:

$$P_A = N_s + 1 \quad (2)$$

Правилам (1) и (2) имеется два ограничения:

1. Ударение не может стоять дальше третьего слога от конца. Тем самым для $N_s > 3$ $N_s = 3$.
2. В тех случаях, когда слово составляет одну двуморную стопу (т.е. представляет собой минимальное просодическое слово), из результата надо вычитать (или не прибавлять) единицу, т.к. последний слог объединяется с предыдущим и не удлиняется.

<i>пример</i>	N_s	N_{mor}	P_A	P_A / N_{mor}	$P_A - 1 / N_{mor}$
pār	1	2	2	1	-
Māre	2	2	2 (!)	1	-
āmō	2	3	3	1	0.67
fāctus	2	4	3	0.75	0.50
lātus	2	4	3	0.75	0.50
Amātus	3	5	4	0.80	0.60
Redāctus	3	5	4	0.80	0.60
fācilis	3	4	4	1	0.75
lātior	3	5	4	0.80	0.60
fācilius	4	5	4	0.80	0.60
	<i>Среднее арифметическое значение:</i>			0.87	0.60
***					
cōsanguīneus	5	8	4	0.50	0.38
praetermittēbāminī	7	13	4	0.31	0.23

Таблица 3. Размещение ударения в слове

⁴ Ударение полностью покрывает слог, содержащий эту мору.

Мы видим, что существующие в латинском языке правила ударения в сочетании с правилами удлинения последнего слога приводят к тому, что отношение длины заударной части в простых словах (1-4 слога) приближается к фундаментальной оппозиции 1:2. Исключение составляют многосложные слова, для которых, очевидно, необходимо предположить наличие дополнительного ударения, как это пытался сделать Аллен. Если мы предположим членение этих слов *cōn//san//gineus* и *praeter//mittē//bāmini*, то отношение ударных и безударных частей будет $0.5 + 0.75$ (0.63) и $0.5 + 0.5 + 0.6$ (0.53), что опять соответствует установленной закономерности. Слова, не составляющие двуморной просодической стопы (в том числе *et*, *sed* и др.), следует справедливо считать проклитиками.

Латинское ударение перестало подчиняться описанной формуле к началу I в. до Р. Х. Об этом можно судить уже хотя бы по тому, что оно стало выполнять смысловоразличительную функцию в вокативе и генитиве ед.ч. у слов 2-го склонения. Известно свидетельство знаменитого грамматика Нигидия Фигула [*Figulus apud Gell. (13, 26). Fr. 9 Funaioli*], говорившего о различии форм *Vālērī* и *Valérī*; Квинтилиан [*I, 5, 22-24*] вспоминал, что, ещё когда он сам был молод, пожилые учителя призывали произносить греческие слова *Átreus* и *Téreus* с ударением на первом слоге от начала. Всё это позволяет думать, что правило второго слога перестало действовать как общий закон за несколько десятилетий до Нигидия, а традиционная постановка ударения всё более размывалась в императорскую эпоху.

Дальнейшие деструктивные изменения латинской просодии следует трактовать не как усиление момента динамизма в ударении (Тронский, Бурсье), но как разрушение моровой корреляции по фонологическому весу. Латинский стих, вышедший, в отличие от греческого, в новую Европу как силлабика (а не силлабо-тоника) говорит нам о недостаточной просодической самостоятельности ударения даже в эту эпоху.

Далее с позиции вокалических мор рассматривается диахрония латинского ударения. Фонологические законы классического латинского языка не позволяют говорить нам о существовании вокалических мор в этот период. Это ведёт как к невозможности существования циркумфлекса, и доказывает типологическое отличие латинской просодии от греческой, в том числе эолийской. Латинское ударение классической эпохи в старых терминах следует определять как «динамическое» – но не потому, что «динамическая сторона ударения была выражена ярче, чем музыкальная» (Тронский), хотя это, вероятно, было так, а потому, что для языка той поры невозможно подобрать фонологическую оппозицию по вокалическим морам. Латинский язык с ударением такого типа должен сопоставляться не с языками, имеющими мелодическую корреляцию слогов, как греческий или литовский, но с теми, в которых наряду с динамическим ударением имеется только корреляция геминации – языки типа арабского.

Утрата вокалических мор произошла в эпоху редукции под воздействием сильного динамического ударения на первом слоге слова. Латинская редукция в отличие от русской была сужающей, а не расширяющей – как, например, в болгарском языке – как литературном, так и в особенности в его балканских диалектах. Тем

не менее латинская редукция несводима только лишь к сужению безударных гласных, поскольку имеются примеры, где узкому нередуцированному гласному соответствует широкий редуцированный:

cinīs (*cēnis, греч. κόνις, κόνιος) → *cinĕris*;
pecŭs (санскр. पशु *paṣū*) → *pecōris*;
capĭō (cf. κάπτω <*καπίω) → *capĕris* etc.

С другой стороны, известно, что дифтонгические формы редуцируются подобно кратким, тогда как долгие монофтонги редукции не подвергаются. Тем самым, для этого периода латинской истории есть все основания говорить о двух различных фонологических оппозициях: по весу и по долготе. Получается следующая картина:

долгота		вес
долгие	$\bar{a}$	тяжёлые
краткие	<i>ae</i>	
	$\check{a}$	лёгкие

Таблица 4. Соотношение долготы и веса в эпоху редукции

В связи с этим кажется гораздо более правдоподобным объяснение законов редукции, предполагающее существование редуцированного гласного: все недолгие слононосители – т.е. краткие гласные и дифтонги – превращались в редуцированный гласный, который в определённых позициях приобретал тембр в зависимости от окружения. Этим хорошо объясняется феномен таких слов как *cinĕris* или *capĕre*. При этом по окончании действия закона редукции в открытых тяжёлых слогах (*occīdō*) гласный восстановился как долгий. Это и привело к тому, что оппозиция по долготе была перекрыта в латинском языке оппозицией по весу.

Поскольку потеря оппозиции по вокалическим морам произошла уже после действия закона редукции, то есть все основания думать, что до него латинское ударение имело моровый характер. Более того, оно было весьма свободным. Так, для италийской эпохи мы можем привести как минимум два примера ударения на последнем слоге:

1. *Ῥωμύλος* – лат. *Rōmulus*. Не вполне ожидаемая постановка греческого ударения на втором слоге может быть удовлетворительно объяснена тем, что ударение в этом латинском слове исконно занимало последний слог, тогда как в греческом заимствовании оно было перенесено действием закона Уилера. Представляется правдоподобным, чтобы указанное слово было заимствовано тогда, когда закон Уилера ещё действовал (примерно в VII в.). Этому соответствует и передача латинской /u/ через $\ddot{u}$, которое как раз в это время ещё не преобразовалось в [ü].

2. *fāciō*: *fēc-ī* – греч. ἔ-θηκ-ε, и.-е. <*dhē>. Перфектная форма *fēcī* требует явного сопоставления с греческой аористой ἔθηκε; однако тогда встаёт вопрос о происхождении презентной основы <*fāci*>. Естественным объяснением появления фонемы /k/ в основе презенса будет признание первичности по отношению к ней перфектной основы. Но в таком случае причиной появления в основе презенса фонемы /ā/ может быть только редуцированный гласный [ə], представляющий собой невозможный ва-

риант чередования **dhē* в перфектах с /k/. Значит, объяснением сокращения долгого гласного корня может служить редукция в безударной позиции, что также предполагает акцентную окситонезу типа *[fəkió].

Более древнее акцентное состояние было реконструировано для италийских и кельтских языков В. А. Дыбо. Теория Дыбо предполагает, что сокращение долгот в этих языках и отсутствие такового в балто-славянских и греко-арийских языках связано именно с действием ударения. Тем самым для праиталийского состояния не только восстанавливается свободное ударение, но и постулируется его способность вызывать сокращение некоторых безударных гласных:

- ◆ *lītus* 'намазанный' ↔ *λίτός*;
- ◆ *ulna* 'локоть' < **ōlēna* ↔ *ὠλένη*;

но в ударной позиции:

- ◆ *cīra* 'бочка' ↔ др.-ирл. *cúl*, *κύπη*, *𑌌𑌆*: *kīraĥ*;
- ◆ *rūs*, *rūgis* 'гной' ↔ *πῦον*.

На основании этого мы можем заключить, что латинская акцентная система ещё с древнейших времён отличалась тенденцией к нарастающему динамизму ударения, что и составляет её значимое отличие от греко-арийской просодии. Такое положение подтверждается как теорией А. Лубоцкого, предполагавшего многочисленные акцентные инновации в греко-арийской системе, так и теорией Г. Гольма, установившего древнейший раскол индоевропейской общности, после которого большая группа языков (включавшая предков германских, балто-славянских, кельтских и италийских) отошла от той, к которой относятся индоарийские, протоамянский и протогреческий языки. Наконец, такие пути расхождения двух типов просодии находятся в соответствии и с гипотезой Л. Г. Герценберга, утверждавшего, что древнейшим предком индоевропейского языка был некий язык слогоморфного типа, имевший только две серии смычных согласных и четыре основных слоговых тона, различительными признаками которых были 1) высота 2) ларингализация. Позднее, одновременно с началом диалектального дробления этого древнего праиндоевропейского языка, первый признак смещался на уровень слова, создавая ударение; второй – на уровень согласных, создавая придыхательные. Тем самым, можно говорить о двух путях развития индоевропейской просодии: «восточном» (как в санскрите и греческом) со сложным консонантизмом и тональным ударением, и «западном» (как в латинском), где в отсутствии придыхательных гораздо большее влияние приобрел динамизм ударения.

В третьей части диссертации рассматриваются описания латинского ударения, созданные римскими грамматиками. Основная проблема здесь – это кажущееся несоответствие между данными об акуте и циркумфлексе у грамматиков и вышеизложенной теорией латинского ударения.

С целью поиска ответов на поставленные вопросы были изучены труды и отдельные свидетельства следующих древних авторов: императорского и позднего времени – Квинтилиана, Авла Геллия, Харисия, Диомеда, Присциана и псевдо-Присциана, [Проба], Доната, Сервия Гонората, Псевдо-Сергия ([Сергия I], [Сергия

II), Кледония, Помпея, Юлиана, Фоки, Евтихида, Мария Викторина (Афтония), [Викторина] и [Максима Викторина], Консенция, Донатиана, Клавдия Сакердота, Маллия Теодора, Капра, Беды, Аудакса, Досифея, *Fragmenta Vobiensia*; республиканского времени – Варрона, Нигида Фигула, Цицерона.

Основным принципом проведенного исследования была избрана *системность*: предполагалось, что акцентологические описания римских ученых находятся в теснейшей связи с их общезыковыми (и шире – философскими) теориями и взглядами, в связи с чем и рассматриваться они должны неотрывно от последних. В качестве теории, способной послужить истолкованию античных грамматических свидетельств, было взято стоическое учение о звуке и значении, изложенное в работе достаточно подробно, а первой задачей исследования стало определить место акцентологии в римской общеграмматической системе.

Наши традиционные представления о понимании структуры языка античными учеными сводятся к построению иерархичной триады "буква" - "слог" - "часть речи" ("слово"). Кардинальное различие между ним и принятым теперь у нас заключается в том, что современная грамматика видит язык *двусторонней* структурой, соответствующей привычной нам дихотомии язык ↔ речь: одна часть этой структуры – лестница знаков, отражающая языковую действительность (*фонема, морфема, лексема* и т.д.), вторая (не знаков) – речевую (*звук, слог, такт* и т.д.). Античная лингвистика, как видно на первый взгляд, изображает язык-речь структурой *односторонней* с традиционной триадой "буква" ... "слог" ... "часть речи" ("слово").

Впрочем, было бы большой ошибкой полагать, что греческие и римские ученые никак не разделяли язык и речь: у нас имеются сведения об обратном. Особое значение этот вопрос приобрел в трудах ранних стоиков, считавших, что язык неразрывно связан с разумом и потому открывает мир души говорящего. И «речь» бывает оттого или «внешней» или «внутриположной». Телесная душа *ψυχή, anima* создает «телесную» мысль, выражаемую *означающим*, т.е. звуком. Сама же мысль без внешнего носителя высказывается на том самом «внутриположном языке», не имеющим материального носителя. Между мыслью и означающим находится *означаемое* – предмет высказывания. Таким образом, классическая триада "буква" → "слог" → "часть речи" ("слово") несмотря на то, что строится как чисто односторонняя структура, всё равно отражает черты различия понятий "язык" и "речь". Подтверждением этому служат указания грамматиков на *littera* как на вариант и инвариант [*Diom. K I, 421; Prisc. K III, 519*], на попытки отождествлять понятие «слога» с нашей «морфемой», что видно из знаменитого правила слогаделения, стремление к разграничению понятий *dictio* (*словоформа*) и *pars orationis* (*часть речи, категория*) у поздних грамматиков (например, [*Diom. K I, 436*]). Общий вывод здесь оказывается таковым: на каждом уровне языковой иерархии видно противопоставление формального и функционального значения у элемента каждого языкового уровня. А если так, то имеются все основания предположить, что этот принцип применяется и для просодических описаний – переходного звена между первым и вторым языковыми уровнями.

Проведенные исследования подтвердили это положение. Точно так же, как *littera* – это и знак и языковая реальность, выяснилось, что и понятие *accentus* в понима-

нии античных грамматиков могло иметь эти две стороны. Подобная мысль не находит противоречия ни у одного из приведенных нами свидетельств, зато подтверждается очень многими (Сергием, Помпеем, Сервием, Псевдо-Присцианом и др.). При чем лучше всего эта система именно в сочинениях поздних грамматиков, людей той эпохи, когда основной задачей науки о языке стало не исследование его, а преподавание, причем, зачастую, – как иностранного.

Итак, одно понимание термина *accentus* – это *графический знак*, употреблявшийся на письме для обозначения позиции ударения (т.е. слога, на который приходится акцентный пик слова). Подтверждением этой мысли будут служить многочисленные цитаты, ставящие акут и циркумфлекс в один ряд со знаками придыхания, брэвиса, макрона и др., указание на одновременную постановку знака грависа вместе с акутом и циркумфлексом, признание «акцента» средством различения фонетического количества. Расстановка этих графических «акцентов» шла по греческому образцу – примерно так же, как мы делаем это и ныне в греческих словах для различения количества гласных, позиции ударения и разделения слов. Это предполагает, вероятно, бытовавший в античных школах способ письма, который требовал регулярную постановку диакритиков.

Поэтому У. Аллен и некоторые другие ученые, утверждавшие, что римляне заимствовали у греков *термины*, неправы; заимствованы была сама система графического обозначения текстов, включавших в себя и символы ударения. Эти символы, естественно, имели свои имена (оксия, вария, периспомена), которые переводились и на латинский язык; интересно, что окончательно латинская терминология устоялась тогда, когда в римскую систему образования вошли указанные знаки (это видно, в частности, из позднего появления термина *circumflexus*, употребление которого идет в одном ряду со знаком макрона, но никогда с апексом); вошли же они окончательно только тогда, когда стали необходимы. А необходимы они стали лишь в относительно позднюю эпоху, характеризующуюся, в первую очередь, частичной, а потом и полной потерей оппозиции фонологической длительности. Причем, чем более деструктивные изменения происходили в фонетике, тем с большей скрупулезностью знаки употреблялись в римской (и греческой) образовательной системе. При этом фонетическая реальность этих обозначений (для учёных пояснений) бралась преимущественно из авторитетных изданий – сочинений древних авторов (пример: Варрон у Сергия), которые не всегда соответствовали реальности; этим объясняется то, почему противоречия наблюдаются и у самих античных грамматиков.

Другая сторона понятия *accentus* – его реальная *фонетическая природа*. Можем ли мы на основании данных античных грамматиков признать, что ударение, по их мнению, было тональным, если у них мы действительно находим описания движения тона (Варрон, Сергий)? В частности ударение на долгом гласном часто описывается как циркумфлекс, а на кратком – как акут.

Термин *accentus* действительно скалькирован с греческого слова *προσῳδία*, имевшего те же два основных значения, что и латинская калька. Его смысл, видимо, таков: само произношение слова – это совокупность звучания каждой из его «букв»; однако помимо этого у него есть еще один оттенок звучания, частотный, – изменение тембра голоса по всей длине слова. Понимая таким образом слово *προσῳδία*, мы

понимаем и смысл греческих терминов *оксия* и *периспомена*. Острая просодия – это такое движение тона, верхушка которого имеет «толщину» в один краткий гласный (1 мору); и тогда слово *ὄξεϊα* (*острая*) передает идею не *высоты*, а *толщины*: как у острого меча толщина лезвия невелика, как самая тонкая струна издает наиболее «острый» (в самом прямом смысле) звук, так и тон, поднимаясь, производя короткую задержку на вершине и ниспадая, создает впечатление, что все слово звучит «остро». *Περὶσπωμένῃ* требует одну мору на восхождение к пику и еще одну на сход с него; оттого толщина этого пика получается равной двум морам – одному долгому гласному; так возникает мысль о том, что верхушка слова «закруглена», «не остра, но и не тупа». Латинские термины *flexus, inflexus, circumflexus* это значение затемняют.

Поэтому объяснение феномена циркумфлекса у грамматиков может быть напрямую связано с таким известным среди специалистов РКИ явлением, как «фонологическое сито». Поскольку латинское ударение, имевшее весьма сильный тональный компонент, отличалось характером *diminuendo* – т.е. резким повышением как тона, так и интенсивности в начале ударного слога и относительно плавным понижением его вслед за пиком, то очень вероятно предполагать, что ударение на слоге с кратким гласным должно было заставить первых латинских грамматиков – а ими были преимущественно этнические греки (Кратет, Тираннион и др.), – увидеть в этом проявление акута, тогда как слог с долгим гласным под ударением должен был вызывать неизбежные мысли о циркумфлексе. Терминологическая путаница ещё усиливалась благодаря заимствованию описанных выше систем графической разметки текстов. Таким образом, причины применения «тональных» терминов к латинскому ударению оказываются несколько более тонкими, чем примитивное «рабское» подражание, предлагавшееся учёными от Ф. Эббота до У. Аллена.

Итак, получается, что система акцентологических описаний латинского языка представляет собой чрезвычайно сложную контаминацию многочисленных культурно-исторических пластов – теорий стоиков, системы александрийских графических знаков, психологических особенностей восприятия ударения в чужом языке и в своём, особенностей педагогической традиции и т.д. Поэтому данные римских грамматиков не противоречат предлагаемой теории и заслуживают при этом доверия; однако истолковывать их, ввиду значительного различия культур, следует весьма осторожно.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования, формулируются основные положения теории, строятся выводы общего и частного характера. Исследование латинского ударения связано не только с чисто теоретическими проблемами, но и помогает объяснить и восстановить те факты языка, которые не находили до сих пор удовлетворительного объяснения иными способами. Затрагивает оно и вопросы общего характера, такие как особенности стихосложения, развитие индоевропейских языков, проблемы античной грамматической науки и многие другие. Акцентология классических языков представляет, очевидно, одну из приоритетнейших задач современной классической филологии и лингвистической науки. Исследование просодии и интонации латинского слова, предложения и стиха, их структуры и ритмики, несомненно, должно стать составной частью дальнейших исследований.

Апробация результатов исследования

Результаты исследования, его основные принципы и методы были представлены на следующих конференциях:

- 1) студенческая конференция «День Науки – 2000» (апрель 2000 г., МГУ).
- 2) студенческая конференция «День Науки – 2001» (апрель 2001 г., МГУ).
- 3) «5-я Межвузовская научная конференция студентов-филологов» (апрель 2002, СПбГУ);
- 4) международная конференция «Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы» (январь 2003, МГУ);
- 5) конференция «Индоевропейское языкознание и классическая филология: чтения памяти И. М. Тронского» (июнь 2003, ИЛИ РАН (СПб));
- 6) конференция «Индоевропейское языкознание и классическая филология: чтения памяти И. М. Тронского» (июнь 2004, ИЛИ РАН (СПб));
- 7) Томская конференция по классической филологии (июнь 2004, ТГУ);
- 8) Поволжский семинар по изучению и преподаванию дисциплин классического цикла (апрель 2005, ННГУ (Нижегород)).

Результаты исследования, его основные принципы и методы были опубликованы в следующих работах:

1. Белов А. М. К вопросу о латинском ударении // *Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения. Доклады студентов и аспирантов филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*. Вып. 1. М., 2002. – 0.5 п.л.

2. Белов А. М. К проблеме уточнения ритмико-просодической терминологии латинского языка // *Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения. Доклады студентов и аспирантов филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова*. Вып. 2. М., 2003. – 0.5 п.л.

3. Белов А. М. Фонологический вес и количество слога // *Argumenta classica*. М., 2003. – 1 п.л.

4. Белов А. М. Античные грамматики как источник по латинской акцентологии // *Сравнительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы: сборник статей по материалам международной научной конференции*. М., 2004. – 0.5 п.л.

5. Белов А. М. Латинский акцент и труды античных грамматиков // *5-я Межвузовская научная конференция студентов-филологов. Тезисы*. СПб, 2002. – 0.1 п.л.

6. Белов А. М. Акцентные матрицы и силлабические моры латинского слова // *Индоевропейское языкознание и классическая филология. Тезисы чтений памяти И. М. Тронского*. СПб, 2003. – 0.1 п.л.

7. Белов А. М. Акцентные матрицы и силлабические моры латинского слова // *Индоевропейское языкознание и классическая филология. Тезисы чтений памяти И. М. Тронского*. СПб, 2004. – 0.2 п.л.

8. Белов А. М. Ритмические стопы латинского слова: постановка проблемы (в печати). – 0.5 п.л.

9. Белов А. М. Вопрос о морях (в печати). – 1 п.л.

10. Белов А. М. Стоическая философия и античная грамматика (в печати). – 1 п.л.